

К. Чепикова

КОНЦЕПЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ДЛЯ СЛОЖНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ СУБЪЕКТОВ И ЕЕ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ КОНФЛИКТОЛОГИИ

В статье делается попытка раскрыть потенциал концепции идентичности для целей конфликтологии, в частности для анализа сложных политических субъектов, таких как политические организации различных видов. Автор предлагает обзор двух главных теоретических традиций в исследовании феномена идентичности, основных теорий идентичности, существующих в социологии и социальной психологии, а также некоторых производных теорий, касающихся отдельных важных аспектов.

Далее следует анализ механизма образования и функционирования социальной и политической идентичности, в частности объясняется механизм возникновения и разрешения конфликтов идентичности, как это понимается с точки зрения социологии и социальной психологии. В то время как конфликтология традиционно имеет дело с уже возникшими конфликтами, в статье особое внимание уделяется механизму и причинам возникновения конфликта как такового, как на микро-, так и на макроуровне. Затрагивается тема радикальных общественно-политических трансформаций и вызванных ими конфликтов. Автор также описывает основные пути разрешения подобных конфликтов, рассматривая этот процесс в ключе постепенного изменения отдельных аспектов идентичности субъектов. Особенно подчеркивается символическая природа социальной и политической идентичности.

Обобщая теоретические наработки социологии, социальной психологии, организационной теории, политической культурологии и семиотики, автор развивает собственную концепцию идентичности для сложных политических субъектов, понимая идентичность как саморегулирующуюся систему, управляющую поведением субъекта (в том числе в части, касающейся конфликтов), отдельные элементы которой поддаются идентификации и исследованию. В рамках данной концепции рассматриваются также возможности анализа конфликтов, в которые эти субъекты вовлечены. Библиогр. 23 назв.

Ключевые слова: политическая идентичность, концепция идентичности, политический субъект, политическая организация, конфликт.

К. Чепикова

THE CONCEPT OF IDENTITY FOR COMPLEX POLITICAL ACTORS AND ITS RELEVANCE FOR CONFLICT STUDIES

This essay discusses different conceptions of identity and its relevance for conflict studies, in the analysis of complex political actors such as political organizations for example. The author presents two main theoretical traditions in the identity research, some important theories of identity existing in sociology and social psychology, as well as some derived theories concerning several relevant aspects.

The essay examines the construction, function and sources of social and political identity from the viewpoint of sociology and social psychology, particularly in the aspect of arising and resolution of identity conflicts. The conflict studies research traditionally approaches the conflict already arisen; this essay however focuses on the mechanism and sources of the conflict as such, both at the micro- and macro levels. It concerns also conflicts caused by radical socio-political transformations and discusses some ways of their resolution in terms of identity change concept. It emphasizes further the symbolic nature of each social and political identity.

Чепикова Ксения — доктор политологии, Йенский университет им. Ф. Шиллера, Федеративная Республика Германия, 07743, Йена, Фюрстенграбен, 1; k_chepikova@web.de

Чепикова Ksenia — PhD, Friedrich-Schiller-Universität Jena, Fürstengraben 1, 07743, Jena, Deutschland; k_chepikova@web.de

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

The author proposes a concept of identity for complex political actors based on theoretical principles of sociology, social psychology, organizational theory, political culture studies and semiotics. Each identity is viewed as a control system with several components that lead to social and particularly political behaviour of complex political actors including behaviour in a conflict. Refs 23.

Keywords: political identity, concept of identity, political actors, political organization, conflict.

Часто при сравнительном исследовании политических процессов и возникающих внутри них конфликтов ученый приходит к пониманию, что политические субъекты одного и того же типа, на первый взгляд вполне сравнимые между собой, оказываются слишком разными, чтобы объяснять их поведение одними и теми же факторами или делать какие-либо общие выводы. При более глубоком анализе выясняется, что такие фундаментальные понятия, как «власть», «политическая конкуренция», «политическое лидерство» и т. д., понимаются в разных обществах по-разному. Представления о функциях и значении одних и тех же политических институтов — президент, политические партии, выборы — тоже сильно отличаются от страны к стране. Политология пытается обойти эту проблему с помощью различных классификаций, но не всегда успешно. Скажем, реальное значение президента в политической системе России и Франции, мягко говоря, несравнимо, хотя по формальным критериям обе страны можно определить как смешанные республики. Или, например, Либерально-демократическую партию России вряд ли можно сравнивать с другими либерально-демократическими партиями мира. Даже один и тот же вид конфликта — к примеру, конкуренция за высший пост в стране путем демократических президентских выборов — может принимать совершенно разные формы. Имеющиеся сегодня классификации не всегда могут обеспечить понимание того, как работает та или иная политическая система, как и почему в ней возникают конфликты. Причина проста — отличие между субъектами и институтами — лежит гораздо глубже: в истории, культуре, системе взглядов на мир. Понять и исследовать эти отличия, полагаю, возможно с помощью концепции социальной и политической идентичности¹.

Слово «идентичность» происходит от лат. *identitas*, «тождественность», а оно, в свою очередь, образовано от лат. *idem* — «тот же самый», «одинаковый». Ядро понятия образует фундаментальное различие между подобием и различием — каждая новая, неизвестная сущность, любые характеристики, которыми обладают другие люди, вещи или процессы, определяются нами как подобные или отличные по отношению к тому, что мы уже знаем [1, р. 16–18; 2, р. 21]. Это структурирует нашу картину мира и упорядочивает наше существование в огромном многообразии социальных отношений. К тому моменту, как понятием идентичности заинтересовались политология и конфликтология, социология и социальная психология уже располагали теориями, в которых оно играло центральную роль. Рамки данной работы не позволяют проследить эволюцию развития данного понятия в науке, однако необходимо представить основные современные теоретические направления в его исследовании — теорию идентичности (*identity theory*) и теорию социальной идентичности (*social identity theory*), а также некоторые их производные.

¹ Следует различать понятия «идентификация» и «идентичность». Первое описывает процесс, в ходе которого субъект идентифицирует себя с определенными социальными ролями, группами и символами. Второе же описывает «внутренний мир» и самосознание субъекта как сложную систему с определенной структурой.

Теория идентичности основывается на работах Ш. Страйкера, Дж. МакКолла и Дж. Л. Симмонса [2; 3]. Ее центральный постулат гласит, что общество представляет собой сложную пеструю мозаику взаимозависимых и одновременно различных компонентов; настолько же сложен и многогранен каждый индивид, который принимает на себя целый набор социальных ролей. Таким образом, идентичность человека рассматривается как совокупность многочисленных ролевых идентичностей (*role identities*), которые находятся в определенной иерархии (*salience hierarchy*) и активируются в зависимости от ситуации [4, p. 23; 5, p. 225–231; 6, p. 256–257; 7, p. 28]. Как правило, активация нескольких ролей не представляет никаких трудностей². В то же время есть множество ситуаций, когда одновременная активация двух или нескольких ролей приводит к конфликту, который может носить как внутриличный, так и социальный характер³.

Так какая же роль будет активирована в случае конфликта и почему? На этот вопрос теория идентичности отвечает с помощью понятия *self-verification* [5, p. 232], которое описывает центральный когнитивный процесс в конструировании идентичности: то, что субъект делает или *не* делает в рамках определенной роли, он сравнивает с неким «стандартом», т. е. с нормами и представлениями, которые он связывает с данной ролью. В зависимости от результата сравнения возникают позитивные либо негативные эмоции. Теория идентичности исходит из того, что любой индивид предпочтет позитивные эмоции негативным, поэтому будет стремиться следовать стандарту идентичности (*identity standard*) данной роли. Роли, вызывающие более сильные позитивные эмоции, стоят выше в иерархии и активируются чаще. Чем большим количеством ролевых идентичностей располагает субъект, тем больше простора открывается для интерпретации себя как члена социума, тем больше возможностей избежать внутриличного конфликта и тем меньше зависимость от одной конкретной роли [4, p. 50–51; 6, p. 257; 8, p. 39].

Теория идентичности довольно широко оперирует понятием «группа», что важно для анализа социальных и политических конфликтов, являющихся таким же результатом идентификационных процессов, как и любые другие общественные отношения. Утверждается, что любая роль может быть реализована исключительно посредством социальных взаимоотношений и что все роли, составляющие идентичность индивида, детерминируются прежде всего существующими социальными структурами. Группа базируется на разнице ролей членов группы и понимается как совокупность индивидов, определенные роли которых связаны между собой в рамках какого-либо социального взаимодействия (например, семья). Теория социальной идентичности, напротив, понимает группу как совокупность людей, обладающих каким-либо одним общим качеством (люди определенного возраста, профессии, образования, взглядов) [5, p. 226–228; 6, p. 259; 7, p. 284, 289].

² Например, вы со своей семьей, друзьями и их семьями выезжаете на пикник или идете в поход. В этом случае социальные роли «муж», «отец» и «друг» без всяких проблем активируются одновременно.

³ Скажем, вы пообещали своим детям сходить с ними в кино на выходных. В пятницу начальник сообщает вам, что на выходных вы должны выйти на работу, чтобы закончить один важный проект. Две социальные роли — «отец» и «профессионал» — активируются одновременно, но в данном случае успешная реализация одной угрожает реализации другой, что ведет к конфликту, который имеет как внутриличный, так и социальный аспект.

Сегодня теория идентичности развивается в двух основных направлениях. Первое концентрируется на изучении взаимосвязи идентичности и социальных структур. Второе занимается глубоким анализом механизма развития и функционирования идентичности отдельных субъектов [7, p. 284], затрагивая в том числе механизмы возникновения и стратегии решения идентификационных конфликтов. Среди прочего, поведение в нем понимается как целеориентированный процесс [7, p. 288], что позволяет при конфликтологическом анализе выявить определенные поведенческие закономерности и уменьшить элемент «хаотичности».

Теория социальной идентичности берет свое начало в работах Г.Тэшфела и Дж.Тёрнера. Она также исходит из сложности и многогранности как общественных отношений, так и личности, однако центральное положение занимают не роли, а определенные характеристики, благодаря которым субъект чувствует свою принадлежность к группе субъектов с теми же признаками [5, p. 225–228; 9, p. 251]. При этом принадлежность к группе не подразумевает обязательного взаимодействия ее членов. Так же как и ролевые идентичности, групповые идентичности (*group identities*) понимаются как множественные и иерархически организованные [5, p. 229; 10, p. 928; 11, p. 121–122], точно так же возможна активация нескольких групповых идентичностей одновременно, которые могут как дополнять друг друга, так и находиться в конфликте [11, p. 121–122].

Центральный когнитивный процесс в этой теории называется *depersonalization*, основное ее отличие от теории идентичности состоит в том, что она описывает сравнение не между собственным поведением и неким стандартом идентичности, а между «своей» и «чужой» группами. В зависимости от того, окажется ли «своя» группа лучше или хуже, растет или падает в глазах субъекта собственный престиж, преобладают позитивные или негативные эмоции [12, p. 35; 13, p. 3–4]. Если сравнение оказывается не в пользу «своей» группы, субъект может выбрать следующие стратегии, чтобы избежать идентификационного конфликта: сменить группу (если возможно), выбрать для сравнения какую-нибудь другую группу или передвинуть проблемную групповую идентичность как можно ниже в иерархии (если возможно) [13, p. 3–4]. В случае конфликта между двумя одновременно активированными групповыми идентичностями субъект предпочтет соответственно ту, которая выглядит лучше при сравнении с другими релевантными группами. Большую роль в данной теории играет противопоставление *in-group* и *out-group*, подготавливая почву для анализа межгрупповых конфликтов.

Одним из направлений развития теории социальной идентичности является теория самокатегоризации (*self-categorization theory*) [6, p. 260–261; 14, p. 121], которая утверждает, что сравнение «своей» группы с другими релевантными группами является на самом деле сравнением групповых прототипов, т.е. не неких объективных характеристик той или иной группы, а субъективных представлений о них. Прототипы упрощены и идеализированы, они содержат противопоставления, которые позволяют индивидам упорядочить социальную реальность в категории вроде «хороший — плохой», «добрый — злой», «сильный — слабый» [14, p. 123; 15, p. 69]. Они имеют символический характер, т.е. важны не сами характеристики, а их символическое значение в контексте конкретного социального взаимодействия [14, p. 124–125; 15, p. 36–37; 16, p. 828].

Следует заметить, что многие исследователи не видят фундаментальных противоречий между двумя теориями, которые, несмотря на разные акценты в исследовании идентичности, понимают сам процесс ее функционирования, по сути, одинаково [5, p. 228; 10, p. 928; 11, p. 115]. Таким образом, можно утверждать, что любой субъект может обладать как ролевыми, так и групповыми идентичностями. В дальнейшем были сделаны попытки более глубоко разработать отдельные аспекты этих теорий. Так, *identity control theory*⁴, разработанная П. Бёрком с коллегами, понимает идентичность как саморегулирующуюся систему, управляющую поведением субъекта [17, p. 576; 18, p. 82; 19, p. 2203]. Предложенная здесь концепция идентичности для сложных политических субъектов базируется на схеме Бёрка.

Бёрк оперирует понятиями ролевых, групповых и персональных идентичностей, объединяя процессы *self-verification* и *depersonalization* в *identity control system*. Эта система включает в себя стандарт идентичности, *self-defining meanings (input)*, механизм сравнения (*comparator*) и *output*. В процессе социального взаимодействия субъект оценивает свое поведение в рамках отдельной роли или группы, сравнивая его с соответствующим стандартом, имеющимся в его сознании. При совпадении значений *output* считается равным нулю, и субъект продолжает придерживаться данной стратегии поведения. При расхождении субъект испытывает негативные эмоции, выбирает другую стратегию, и сравнение начинается снова, пока не будет достигнуто равновесие [18, p. 82–84; 19, p. 2203–2205; 20, p. 47–48].

При невозможности выбрать стратегию, при которой совпадение будет достигнуто, имеет место внутренний конфликт, система дает сбой, наблюдается кризис идентичности. В больших масштабах подобное происходит, скажем, при радикальной смене общественно-политического порядка, когда стандарт идентичности еще остается прежним, а социальных отношений, в которых бы работали соответствующие модели поведения, уже не существует. Такой конфликт может быть решен только изменением самого стандарта, которое описывается понятием *identity change*⁵. Оно происходит, во-первых, при перманентных проблемах с верификацией той или иной идентичности или, во-вторых, при постоянном конфликте между двумя одновременно активизирующимися идентичностями. В первом случае содержание стандарта идентичности будет постепенно меняться, пока не станет таким, что поведенческая стратегия, которую невозможно изменить, будет считаться приемлемой и достаточной для верификации проблемной идентичности. Во втором случае проблемные значения в стандартах конфликтующих ролей будут постепенно меняться до тех пор, пока не станут одинаковыми в обеих ролях [8, p. 43; 18, p. 81–86, 92–93; 20, p. 2206].

Бёрк особенно подчеркивает медленную скорость изменений, а также замечает, что они будут тем труднее и болезненнее, чем выше данная идентичность располагается в иерархии [17, p. 578; 18, p. 84–93]. Это важно при исследовании конфликтов, вызванных радикальной общественной трансформацией. В таких случаях часто говорят о кризисе идентичности, затрагивающем все общество. Даже если

⁴ По-видимому, данная теория малоизвестна в русскоязычной науке, и, поскольку не удалось найти общепринятого в русскоязычных текстах перевода ее названия, автор считает возможным перевести его как «теория контроля идентичности».

⁵ Поскольку и в этом случае не удалось найти общепринятого русского перевода, автор считает возможным перевести данное понятие как «сдвиг идентичности».

индивиды вынужденно отказываются от привычных поведенческих образцов и начинают придерживаться новых, содержание стандарта идентичности еще долгое время остается прежним, то есть имеет место постоянный внутренний конфликт. Интересная работа о стратегиях решения подобных конфликтов принадлежит Дж.Тодд, которая перечисляет шесть стратегий трансформации идентичности, с помощью которых возможно решение идентификационных конфликтов в условиях масштабных социальных потрясений [21].

Среди прочего Бёрк занимается изучением вопроса о том, как, собственно, формируется стандарт идентичности, отсылая нас к более подробному исследованию социальных структур, культуры и истории соответствующего общества. Индивид не может существовать изолированно, все свои представления о социальных ролях и группах и должном поведении в их рамках он формирует, ориентируясь в социо-культурной реальности. Содержание и структура идентичности определяются не только самим субъектом, его социальным опытом и представлениями о различных ролях и группах, но и тем, какую информацию он получает на этот счет от внешнего мира. Часто причиной внутреннего конфликта либо конфликта между субъектами как раз и становится ситуация, когда некая стратегия поведения кажется абсолютно приемлемой с точки зрения стандарта идентичности, но вызывает по каким-то причинам негативную реакцию окружающих.

Особое внимание Бёрк обращает на символическую природу идентичности. Вслед за классиками семиотики он полагает, что любое социальное взаимодействие происходит посредством символов. Глядя на мир, мы воспринимаем не столько сами явления как объективную реальность, сколько символическое значение этих явлений. Именно отсюда и возникают ситуации, когда одно и то же явление различные субъекты воспринимают совершенно по-разному, иногда вступая из-за этого в конфликт. Так что Стетс и Бёрк утверждают, что успешная реализация любой ролевой или групповой идентичности (*self-verification*) требует не просто совпадения поведения со стандартом идентичности, но совпадения именно символического значения поведения с содержащимися в стандарте символическими значениями [19, p. 2204; 20, p. 47, 58–59].

Для сложных социальных, том числе политических, конфликтов необходимо ввести в существующие теории идентичности такие понятия, как «институт» и «организация». Этой проблемой занимается британский социолог Р.Дженкинс. В своей работе «Социальная идентичность» он вводит понятие «институт» как закрепленную временем модель поведения в той или иной ситуации, нормативные представления о том, как правильно совершать те или иные поступки. В отличие от довольно гибких групповых прототипов, институты представляют собой жесткие социальные модели, которые признаны всем обществом и считаются обязательными для всех. Согласно Дженкинсу, все социальные идентичности институционализованы. Информация в социальных институтах содержится в форме символов: слов, ритуалов, мифов, визуальных символов и пр. Но, в отличие от прототипов, институты нуждаются в легитимации и предполагают некий контроль в форме писанных правил, законов, системы наград и наказаний. Эта легитимация также происходит с помощью символов. Введение каждого нового поколения в эту «символическую реальность» обеспечивает стабильность и преемственность существующего социального порядка. Дженкинс также работает с понятием «организа-

ция» — это формально обособленная группа людей, действующих определенным образом и с определенной целью и четко отграничивающая членов организации от всех прочих. В отличие от большинства групп, организации институционализированы, иерархичны и включают в себя такие измерения, как статус, власть и контроль. У каждой из них есть твердые правила, руководство, а также собственный «символический мир». Кроме того, любая организация имеет цель, которая формулируется в уставе или других документах при ее основании [1, p. 10, 157–171].

При исследовании конфликтов с помощью концепции идентичности два вышеназванных понятия будут играть центральную роль. Кроме того, поскольку исследователи не видят серьезных противоречий между двумя основными теориями идентичности, полагаю возможным комбинировать их для более полного и глубокого анализа. Таким образом, в данной работе идентичность понимается как *саморегулирующаяся система множественных, субъективных, символических значений и смыслов, которые характеризуют субъекта в рамках некоего набора ролевых и групповых идентичностей в различных социальных отношениях и чье постоянное взаимодействие производит некий эмоциональный output, регулирующий поведение субъекта.*

Все вышесказанное верно также для политической идентичности как одной из форм идентичности социальной, с уточнением, что субъект в данном случае характеризуется в рамках ролевых и групповых идентичностей, относящихся к политике. Например, среди ролевых идентичностей можно назвать такие, как «политический активист», «избиратель», «член партии» и другие, среди групповых — либеральный, консервативный, левый, националист, оппозиционер и пр. По сравнению с другими видами идентичности политическая особенно сильно институционализирована, хотя степень институционализации может быть разной. Скажем, такая роль, как «член партии», оставляет довольно узкое пространство для интерпретации, поскольку ее содержание довольно жестко регламентировано уставными документами и законом о партиях. А вот такие групповые идентичности, как «либерал» или «левый», можно толковать очень широко, поскольку они нигде нормативно не закреплены.

Имеют ли сильно институционализированные политические идентичности большой конфликтный потенциал? В целом на этот вопрос можно ответить утвердительно. Во-первых, при наличии жесткой структуры и строго закрепленных норм групповые идентичности подразумевают более сильное противопоставление «своих» и «чужих». Особенно если заметить, что большинство политических институтов так или иначе содержит в себе систему санкций для тех, кто ведет себя «не как положено» и может быть идентифицирован как «чужой». Во-вторых, вероятность внутреннего конфликта также повышается, поскольку в случае проблем с верификацией идентичности субъекту не так-то легко сменить поведенческую стратегию или содержание стандарта идентичности, поскольку они заданы нормативно. Кроме того, политическая идентичность связана с управлением государством и обществом, т. е. с категориями «власть», «политическая борьба», «конкуренция», «конфликт». Так что важную роль в стандартах идентичности играет информация, определяющая нормы и стратегии поведения в различных конфликтах. В принципе они содержат полную информацию о том, какие виды конфликтов вообще существуют в данном обществе, кто в них участвует и какое поведение считается

желаемым либо допустимым. Причем набор конфликтов и способов их решения определяется культурно-политической традицией и, конечно, отличается от страны к стране.

Вышеизложенные общие аспекты формирования политической идентичности позволяют перейти к идентичности сложных политических субъектов, под которыми понимаются прежде всего политические организации: политические партии, общественно-политические движения, организации политической оппозиции и даже нелегальные организации политических радикалов. Итак, что же такое идентичность политической организации? До сих пор политическая наука занималась лишь вопросами идентификации (*political identification*) индивидов с политическими организациями, т. е. речь шла об идентичности индивидов как политических субъектов, организации же понимались лишь как рамки. Главным же вопросом данного исследования является вопрос о том, можно ли говорить о существовании идентичности (*political identity*) у сложных политических субъектов подобно тому, как мы говорим об идентичности отдельных индивидов.

Выстроить мост между представленными теориями идентичности и политическими организациями как субъектами оказалось возможным с помощью теории организаций. Эта теория довольно давно оперирует понятием *organizational identity* [22], которое описывает единую идентичность организации и которое можно инкорпорировать в концепцию идентичности при условии, что термин «организация» в теориях идентичности и теории организации понимается одинаково. В пользу данного утверждения можно привести следующие аргументы. Хотя социология и социальная психология изначально понимают организацию прежде всего как *группу* людей, все же Р. Дженкинс рассматривает ее и как *единый* субъект. Каждая организация имеет единую цель, единую структуру и единое руководство, с которыми идентифицируют себя все ее члены. Существуют единые для всех нормы и правила, обеспечивающие единые стратегии поведения всех ее членов в той или иной ситуации. Организация обладает набором специфических символов, своего рода миниатюрным «символическим миром». Таким образом, можно говорить о единой идентичности политических организаций, независимо от того, как происходят идентификационные процессы ее отдельных членов [1, p. 169–170].

Исходя из вышесказанного, представляется возможным рассматривать идентичность политических организаций как саморегулирующуюся систему на основе схемы, предложенной Бёрком, конечно же, с рядом уточнений. В современном мире политические организации имеют целый ряд ролевых и групповых идентичностей, часть из которых возникает из существующих норм автоматически, а часть создается сознательно. Активация той или иной идентичности может происходить как автоматически, так и через сознательное решение. В отличие от индивидуального уровня, в организации структура и содержание стандарта идентичности определяются ее основной целью и задаются во многом сознательно при ее основании. *Identity change*, в случае необходимости, является возможным, но реализовать его будет сложно, поскольку это, видимо, потребует некоторого пересмотра целей.

Что касается центрального когнитивного процесса — сравнения — то теория идентичности и теория организаций понимают его в принципе одинаково, хотя терминология несколько отличается [22, p. 67–70]. Однако в отношении организаций рассуждать об эмоциях, которые возникают как реакция на *output*, довольно

сложно. Поскольку все бытие организации определяется ее основной целью, то вместо положительных или отрицательных эмоций речь будет идти о положительной или отрицательной самооценке с точки зрения главной цели. Во всяком случае, результат будет одним и тем же — сохранение либо смена поведенческой стратегии. Хотя эмоции как элемент системы не исчезают полностью. Ведь один из важных вопросов состоит в том, кто и как производит процесс сравнения и определяет стратегии поведения. В любой организации есть два типа членов: те, кто обладают властью принимать решения, касающиеся всей организации, и те, кто этой властью не обладают. Первую группу назовем условно руководством. Именно она играет ключевую роль в создании ролевых и групповых идентичностей, выборе стратегии поведения и оценке их эффективности с точки зрения главной цели. Позитивные или негативные эмоции, которые испытывает руководство, признавая ту или иную стратегию эффективной или неэффективной, играют в системе идентичности во многом ту же роль, что и на индивидуальном уровне.

Разобравшись в механизме формирования и функционирования идентичности политических субъектов, можно предложить следующую схему ее исследования.

Шаг 1: идентификация основной цели (целей) организации. Для политических организаций в различных политических системах возможна следующая дифференциация целей: а) традиционно нормативно определенные в данном обществе — те, что зафиксированы, допустим, в конституции, других законах и нормативных документах; б) официально объявленные самой организацией — скажем, цели, касающиеся определенных сфер ее деятельности; в) неофициальные, скрытые цели — политическая организация может создаваться для отмыывания денег, ухода от налогов, рекламного продвижения определенных личностей и т. п. Данный шаг является, вероятно, самым важным. Только так возможно понять причину большинства конфликтов внутри организации либо конфликтов с ее участием; появляется даже возможность предсказать те или иные конфликты. В ходе анализа, однако, необходимо учитывать, во-первых, тот факт, что одни и те же политические организации в разных странах могут иметь разные цели, о чем исследователи часто забывают. Во-вторых, для политических организаций часто характерна множественность целей, среди которых может быть много скрытых, сложно поддающихся идентификации. Наблюдая некие поведенческие образцы, главной цели, на первый взгляд, не соответствующие, не всегда следует делать вывод о наличии идентификационного конфликта внутри организации или сразу оценивать ее поведение в том или ином конфликте.

Шаг 2: идентификация членов организации, обладающих полномочиями принимать решения. В зависимости от исследуемой проблемы или конфликта возможен анализ конкретных лиц, официальных руководящих структур или групп влияния. Причем перечень лиц, принимающих решения, не обязательно будет совпадать с составом официального руководства. Существует такой феномен, как «серые кардиналы», а некоторые политические организации вообще могут контролироваться извне.

Шаг 3: идентификация и исследование основных ролевых и групповых идентичностей организации, их места в иерархии стандарта идентичности и их символического выражения. Поскольку идентичности организаций имеют довольно сложную

структуру, необходимо четко определить и ограничить объект исследования, иначе огромное количество данных может стать серьезной проблемой.

Получив, таким образом, общее представление о структуре и содержании конкретной идентичности, исследователь сам может выбрать дальнейший вариант анализа в зависимости от постановки вопроса, субъекта и объекта исследования. В частности, для конфликтологии, видимо, будут интересны именно модели поведения как результат функционирования системы идентичности. А, например, для исследователя политической культуры первоочередную роль будут играть содержание и структура стандарта идентичности, поведение же — как закономерное следствие всего этого — будет иметь вторичное значение.

Завершая описание идентичности сложных политических субъектов как концепции, необходимо еще раз заметить, что ни одна идентичность не может быть рассматриваема изолированно, в отрыве от рамок, в которых формируется политическая идентичность всего общества — политическая система, политическая культура и «символический мир». Подробнее эти рамки и их значение в формировании и функционировании идентичности рассматриваются в другой работе, в которой объясняется их роль, в том числе на примере политических партий [23].

В целом представленную концепцию идентичности можно назвать междисциплинарной не только из-за разнообразного происхождения теорий и концепций, на которых она базируется, но и по причине многообразия методов, которые возможны при исследовании идентичности и связанных с ней конфликтов. В целом представленная концепция подходит для анализа довольно широкого спектра политологических и конфликтологических проблем, причем независимо от типа политической системы и от формы политической организации.

Литература / References

1. Jenkins R. *Social Identity*. London, Routledge, 2008. 256 p.
2. McCall G., Simmons, J.L. *Identities and Interactions*. New York, Free Press, 1966. 278 p.
3. Stryker S. Identity Salience and Role Performance. *Journal of Marriage and the Family*, 1968, vol. 4, pp. 558–564.
4. Simon B. *Identity in Modern Society. A social psychological perspective*. Oxford, Blackwell, 2004. 222 p.
5. Stets J., Burke P. Identity Theory and Social Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*, 2000, vol. 63, no. 3, pp. 224–237.
6. Hogg M., Terry D., White K. A Tale of Two Theories. A Critical Comparison of Identity Theory with Social Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*, 1995, vol. 58, no. 4, pp. 255–269.
7. Stryker S., Burke P. The Past, Present, and Future of an Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*, 2000, vol. 63, no. 4, pp. 284–297.
8. Stets J. Examining Emotions in Identity Theory. *Social Psychology Quarterly*, 2005, vol. 68, no. 1, pp. 39–56.
9. Tajfel H. *Human groups and social categories. Studies in social psychology*. Cambridge, Cambridge University Press, 1981. 369 p.
10. Reicher S. The Context of Social Identity. Domination, Resistance and Change. *Political Psychology*, 2004, vol. 25, no. 6, Symposium: Social Dominance and Intergroup Relations, pp. 921–945.
11. Brewer M. The Many Faces of Social Identity. Implications for Political Psychology. *Political Psychology*, 2001, vol. 22, no. 1, pp. 115–125.
12. Hogg M. Self-conceptual uncertainty and the lure of belonging. Eds R. Brown, D. Capozza *Social Identities. Motivational, emotional and cultural influences*. Hove, East Sussex, New York, Psychology Press, 2006, pp. 33–50.
13. Brown R., Capozza D. (eds.). *Social Identities. Motivational, motivational, emotional and cultural influences*, Hove, East Sussex, New York, Psychology Press, 2006, 292 p.

14. Hogg M., Terry D. Social Identity and Self-Categorization Processes in Organizational Contexts. *The Academy of Management Review*, 2000, vol. 25, no. 1, pp. 121–140.
15. Hogg M. Intragroup Processes, Group Structure and Social Identity. Ed. by W.P. Robinson. *Social Groups and Identities. Developing the legacy of Henri Tajfel*. Oxford, 1996, pp. 65–94.
16. Huddy L. Context and Meaning in Social Identity Theory: A Response to Oakes. *Political Psychology*, 2002, vol. 23, no. 4, pp. 825–838.
17. Burke P. Extending Identity Control Theory: Insights from Classifier Systems. *Sociological Theory*, 2004, vol. 22, no. 4, pp. 574–594.
18. Burke P. Identity Change. *Social Psychology Quarterly*, 2006, vol. 69, no. 1, pp. 81–96.
19. Burke P. Identity Control Theory. G. Ritzer. *Blackwell Encyclopedia of Sociology*, Oxford, 2007, pp. 2202–2207.
20. Stets J., Burke P. New Directions in Identity Control Theory. *Advances in Group Process*, 2005, no. 22, pp. 43–64.
21. Todd J. Social Transformation, Collective Categories and Identity Change. *Theory and Society*, 2005, vol. 34, no. 4, pp. 429–463.
22. Gioia D., Schultz M., Corley K. Organizational Identity, Image, and Adaptive Instability. *The Academy of Management Review*, 2000, vol. 25, no. 1, pp. 63–81.
23. Chepikova K. *Parteien im Politischen Leben des modernen Russlands. Identitätsgeschichte und Identitätskonstruktionen*. Bd. 1. Politische und Parteienidentitätsbildung. Bd. 2. Identitätskonstruktionen im russischen Parteiensystem. München, AVM, 2015. 780 p.

Для цитирования: Чепикова К. Концепция идентичности для сложных политических субъектов и ее потенциал для конфликтологии // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2017. Т. 33. Вып. 4. С. 541–551. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.412>

For citation: Chepikova K. The concept of identity for complex political actors and its relevance for conflict studies. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict studies*, 2017, vol. 33, issue 4, pp. 541–551. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.412>

Статья поступила в редакцию 17 мая 2017 г.
Статья рекомендована к печати 13 июня 2017 г.